

**Валентина
АКУЛЕНКО**
г. Петрозаводск

*В память
о простых ленинградках,
переживших блокаду,
и о моей тете
Вере Петровне Акуленко*

**В
А
Р
Е
Н
Ь
К
А**

рассказ

— Опять валет, мерзопакостный, не туда забрался ... А вот мы сюда тебя, поганца, пристроим...

Когда тетушка раскладывала один из своих пасьянсов, «косыночку» например, и при этом бранила валета, это значило, что она не в духе и хочет успокоиться. Если карты не «ложились», она начинала все заметнее нервничать. Лера, устроившись с книжкой на старой уютной кушетке, украдкой наблюдала за поглощённой пасьянсом тетушкой. Всякий раз это был маленький спектакль одного актера, почти все в нем повторялось, но появлялись и новые краски — в выразительных жестах, вскидывании или нахмурировании бровей, неожиданных репликах. Но все это «исполнялось» негромко, как-то даже изящно...

За долгое время, проведенное в небольшой тетиной комнате огромной квартиры почтенного петербургского дома номер 95 на Староневском проспекте, студентка факультета журналистики Ленинградского университета Валерия Глебова усвоила нехитрый уклад жизни оставшейся в одиночестве пожилой родственницы, старшей сестры Лериного отца.

Когда с пасьянсом у тети Вари не ладилось, Лера пускала в ход испытанное средство развеселить тетушку: рассказывала какую-нибудь свежую студенческую байку.

Провинциалка Лера, приехавшая из северного города, что в 400 километрах от Ленинграда, к нескрываемой гордости своей тети, смогла с первого захода стать студенткой университета. В то время как детям двух ее давних питерских приятельниц это не удалось. И хотя

у Валерии Глебовой было законное место в студенческом общежитии на Васильевском острове, она, готовясь к сессиям, дневала и ночевала у тетушки на Староневском.

Тетя Варя наслушалась столько Лериных факультетских историй, что уже запомнила по именам и фамилиям каждого из десяти журафовских друзей племянницы. Иногда в выходные Лерины сокурсники заполняли уютную комнатку Варвары Петровны и с аппетитом уплетали тетушкины фирменные голубцы и сдобный черничный пирог. Тетя Варя радостно хлопотала и потчевала голодную молодежь. И только Лера знала, в каких «фронтových» условиях появляются на свет эти вкусности. В коммуналке не разбежишься с готовкой. Но набегаешься и натопчешься.

Черничный пирог тетя Варя пекла в «чудопечке». Это «чудо» возвышалось на маленьком столе огромной сумрачной кухни с единственным окном и застоявшимся запахом газа и керосина. (Обитатели питерских коммуналок десятилетиями до войны и после готовили и подогревали еду на небольших вертикальных плитках, заправленных керосином, — керосинках.) В длинной кухне, как бессменные часовые, замерли вдоль стен четыре кухонных стола. Ровно по числу хозяев комнат, объединенных общим коридором, санузлом, ванной, телефоном и входной дверью с электрическим звонком. Возле звонка белел трафарет с фамилиями, где чьим-то четким почерком было написано, кому и сколько раз следует звонить.

В противоположном от окна конце кухни маячила посеревшей от времени, облупленной эмалью общая раковина с медным водопроводным краном. По утрам, когда в ванную выстраивалась очередь, торопившиеся на работу соседи умывались и над кухонной раковиной. Что вообще-то не поощрялось.

На полках и в шкафчиках над столами помещалась разнообразная посудная утварь.

В кухне была еще вторая, узкая дверь, что вела на «черную» лестницу, она открывалась в глухой двор-колодец, где благоухали переполненные мусорные бачки.

По коридору коммуналки под скрип старых паркетин привычно сновали хозяева комнат и комнатных секций: кто в кухню, кто в ванную, кто в туалет, кто к телефону. Паркет в коридо-

ре всегда сиял: жильцы натирали его мастикой в порядке очереди раз в полмесяца. Но протирали и подметали пол в коридоре часто. В кухне тоже неизменно поддерживался идеальный, почти армейский порядок. Эту давнюю традицию никто не осмеливался нарушать, тем более что почти все жильцы квартиры номер 18 были ее старожилками. И прежде всех — Варвара Петровна.

* * *

Лера как-то сразу полюбила эту огромную, тихую, полную семейных тайн петербургскую квартиру в почтенном старинном доме, населенную в целом приятными, в основном интеллигентными людьми. Кроме тетушки, ее занимали врачи Зоя Андреевна с мужем Иваном Степановичем, преподаватель английского языка Софья Вениаминовна с мужем Родионом Петровичем, полковником в отставке, и вернувшимся с армейской службы сыном Григорием, а также — продавец кондитерской «Север» Лариса с дочкой-школьницей.

Комнатка Варвары Петровны находилась почти у входной двери. До революции в квартире жили дочери ее бывшего хозяина — домовладельца и немалого петербургского чина, у которого служили родители Варвары Петровны. В двадцатые годы осиротевшую восемнадцатилетнюю Вареньку поселили в комнате, прежде предназначенной для прислуги. А дочерям бывшего хозяина дома, образованным барышням, служившим в солидном учреждении, оставили после «уплотнения» двухкомнатную секцию.

Варенькин «угол» оказался совсем не плох: уютная квадратная комнатка с высоким потолком и балкончиком в проходной двор-колодец.

Но куда важнее было для девушки то, что жить ей довелось в одних стенах с умными барышнями благородного происхождения, незамужними.

Они говорили по-французски, по-английски и по-немецки, играли на рояле, со вкусом одевались, по вечерам раскладывали пасьянсы или принимали гостей. По воскресеньям отправлялись в театр или «в концерт». В будни сестры с раннего утра уезжали на службу в серьезное учреждение, начальники коего це-

нили их образованность, умение печатать на машинке, знание иностранных языков.

Вечерами барышни звали Вареньку на чашку чая. Она наслаждалась неспешными беседами. Ей хотелось походить на барышень и внешностью, и манерами. Необыкновенно вкусными казался ей янтарный чай в тонких фарфоровых чашках, нежное печенье в высокой вазе.

Тяжелые шторы на окнах, сверкающая хрустальная люстра, дорогая мебель, мягкий персидский ковер на полу — все это было из их прошлой, загадочной жизни высшего света. Стойкий аромат той жизни исходил от барышень, волновал и очаровывал Вареньку.

Сестры тоже считали, что им повезло с таким скромным, милым, неглупым и преданным существом, неслышно обитавшим рядом. Варвара не была красавицей, но обладала тем, что зовется породой: стройная, с аккуратно прибранной темно-русой головой на высокой шее. От барышень она пристрастилась к пашьянам. На них, своих благодетельниц, она, сама того не замечая, и становилась похожей. Их советы, повадки, привычки впитывала, как губка влагу. Когда благородные девицы покинули этот мир, Варенька навещала их могилки.

* * *

Потом в квартиру время от времени кого-то подсаляли. В ней Варвара Петровна пережила и войну. В ней чудом не замерзла и не погибла от голода в блокаду. Но вспоминать о перенесенных тяготах она не любила. Зато своих благородных барышень к старости поминала все чаще. А уж когда у нее поселилась Лера, образы дореволюционных наставниц с тетушкиной подачи возникали постоянно. Они преподносились как эталон воспитанности, высшего женского этикета, к которому тетя Варя желала приблизить свою симпатичную племянницу — будущего журналиста. И хотя Лере несложно было понять, что «институт благородных девиц», оконченный много лет назад ее милой тетушкой, находился в пределах этой старой квартиры, домашние лекции тети Вари слушала не без интереса, как если

бы кто-то вслух читал ей трогательный дамский роман.

Повод для такой лекции находился всегда. Как-то Варваре Петровне позвонила ее подруга Мария Семеновна. Они дружили с юности. Тетушка рассказывала, что в блокаду муж подруги, «забронированный» как ценный специалист, устроил ее, совсем ослабевшую от голода, в рабочую столовую мыть котлы. Оскребки каши со дна котлов и не дали умереть Варваре Петровне. Эта подробность запомнилась Лере больше всех из того немногого, что тетя Варя успела рассказать ей о блокадных страданиях.

...Беседа пожилых подруг по телефону — тоже целая сцена из спектакля, не менее выразительная, чем тетушкин преферанс. Главные монологи велись Марией Семеновной, а тетушка подкрепляла их репликами, а больше восклицаниями: «Надо же! Ну, вы подумайте! Неужели?! Не может быть! Так и сказал?! Ну, хитрец, ну, бестия!..» Мария Семеновна делилась тайнами о нескладной семейной жизни красавца племянника и его очередной жены. Раскрасневшаяся, взволнованная вестями о чужих романах, тетушка, оторвавшись от телефона, не сразу приступала к своей новой тронной речи. Выдержав паузу, начинала, как всегда, торжественно, с легкой дрожью в голосе.

— Племянник у Маши, конечно, шалопай и вертихвост. Но красив как бог. А в жены снова взял серую мышку, влюблена в него по уши. Ну, и быстро заскучал. Да что там — с цепи сорвался, вот уже и дома не ночует. Жена — в истерике. А зря. Надо быть хитрее. Семейная жизнь — все равно что театральное представление, только длиннее и без аплодисментов...

Дальше тетушка говорила о том, что главная роль в этом «представлении» отведена, конечно, женщине. Что умная жена должна быть хорошей актрисой, чего бы ей это ни стоило. Она, продолжала тетушка нравоучительный монолог, не может себе позволить расслабиться при муже, особенно таком, как Машин племянник. Нельзя выглядеть усталой, неряшливой, чтобы муж не охладел и дети уважали. А главное — она ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не должна признаваться в своих даже самых пустяковых промахах... Даже в том, что, к примеру, сегодня утром все валялось из рук, чуть не уронила на пол сково-

родку с яичницей... Почему? Да потому, что обязательно придет момент, когда недовольный или разъяренный муж все мстительно припомнит и выложит, даже сущие пустяки...

— Как ужасно! Какое притворство! Зачем эта пытка? — возмущенно удивлялась Лера.

— А затем, — наконец открывала карты тетушка, — что надо знать мужчин! Все они, почти без исключения, очень скоро начинают относиться к женам как к чему-то обыденному, неизменному, вроде стола или шкафа... Что остается?

— Каждый день доказывать, что ты — не «шкаф»? Кошмар какой-то! Разве нельзя без этого театра прожить? — горячилась Лера.

— Нельзя. Ты и знать не будешь, что день за днем в проигрыше. Милая моя, не стоит уподобляться наивным дурочкам: они уверены, что муж никуда не денется, что он навеки их и они для него — самые-самые...

— А любовь?

— Так это и есть главный обман. Никто не знает, когда и почему она появляется и когда по каплям уходит. В семейной жизни страсти мало места. В семейной жизни важно то, о чем я тебе говорю. И это не «театр», а тяжкий труд.

— Как-то все это сложно... — ворчала озадаченная тетиной житейской философией Лера.

Спорить не хотелось, к тому же только у тетушки, а не у нее, имелся опыт замужества. Хотя и небогатый.

Варвара Петровна вышла замуж, когда за глаза ее уже называли «старой девой». После войны она работала секретарем-машинисткой в отделе кадров электромашиностроительного завода. «Заводские» (именно с таким ударением произносилось это слово) обращались к ней почтительно, по имени-отчеству. И только начальник литейного цеха Николай Авдеевич Строгалев, часто заходивший в отдел кадров, называл ее Варенькой, выказывая тем самым его доверительное к ней отношение. Ей действительно можно было довериться. За годы на заводе она выслушала столько личных историй, что в старости могла бы сочинять романы, если бы Бог наградил ее писательским даром. Бог же сполна наградил ее умением слушать, молчать и сочувствовать. И в мыслях проживать чужую жизнь, скрашивая её счастливым концом, как в кино и романах.

Всем казалось, да она и сама так думала, что в ее собственной истории нет ничего особенного. Зато мечты у Варвары были возвышенные, даже пленительные. В мечтах она была прекрасна, решительна, любима и счастлива.

Варваре Петровне нравился определенный тип мужчин: высокий брюнет с большими карими глазами и темными вьющимися волосами, похожий на популярного до войны киноактера Владимира Дружниковца или послевоенных экранных кумиров Вадима Медведева и Юрия Яковлева...

Начальник литейного цеха Николай Авдеевич Строгалев внешне почти отвечал ее идеалу. Когда он забегал в отдел кадров, сердце у Вареньки замирало и она ниже склонялась над своей пишущей машинкой.

Но Николай Авдеевич замечал это, искоса глядя в ее сторону.

Все заводские знали, что с женой, Лилией Осиповной, работавшей в конструкторском отделе, у Николая Авдеевича разлад, что она даже подала на развод. Знали и о причине: Строгалев выпивал. Не на работе, конечно, а дома или где-нибудь с приятелями по выходным. Как пожаловалась Лилия Осиповна заводскому парторгу: «раз в неделю напивается до скотского состояния».

Варенька же уверяла себя, да и женская часть заводских об этом шепталась, что пьет он от тоски: красавица Лилия Осиповна не заботилась о нем, зато открыто кокетничала с другими.

Во время войны Строгалев оставили на заводе, работавшем для фронта. А когда Варенька от истощения заболела туберкулезом, Николай Авдеевич доставал для нее лекарства.

После войны они стали жить вместе. Лилия Осиповна не возражала. Мало того, она сама предложила неожиданный вариант: Варваре Петровне переселиться в их квартиру в доме на Малоохтинском проспекте, а ей — в Варину комнату на Невском, 95. Варвара Петровна обрадовалась, узнав, что и сын Строгалевых, с благословения матери, будет жить с ними.

Почему-то никто на заводе не удивился, что Лилия Осиповна так просто и деловито доверила своего мужа Варваре. И вели себя соперницы так, как будто ничего особенного не произошло.

* * *

* * *

Несколько послевоенных лет Варвара Петровна и Николай Авдеевич прожили мирно и почти счастливо. Потом сын Строгалевых поступил в летное училище. Большая квартира в доме на Малоохтинском как-то сразу опустела. Николай Авдеевич снова начал пить. Бывали дни, когда Варваре Петровне очень хотелось вернуться в свою девичью комнату на Староневском.

Но тихое пьянство вышедшего на пенсию мужа она все же терпела.

Однажды Строгалева не очнулся от белой горячки. После похорон Варвара Петровна позвонила Лилии Осиповне и предложила снова поменяться домами. Переезд состоялся.

Так перед самым выходом на пенсию Варвара Петровна снова оказалась в своей комнатке на Староневском, 95. Лилия Осиповна сначала часто ей звонила, рассказывала о внучке, жаловалась на невестку и сына, что не ладят, скандалят. Потом звонки стали реже: Лилия Осиповна совсем слегла. Варвара Петровна приехала на ее похороны.

Бывших в разводе супругов похоронили рядом. Так распорядился сын. Завбдские недоумевали, а Варвара Петровна оправдывала пасынка: «Детям важно, чтобы родители были вместе, хотя бы после смерти». Она не держала зла на тех, к кому успела привязаться.

Школьницей Лера нередко гостила в огромной охтинской квартире. У Московского вокзала она садилась в трамвай и долго ехала до остановки «Глухой переулок». Переулочек всего в несколько шагов, за ним открывается широкий проспект, тянущийся далеко вдоль Невы.

С балкона четвертого этажа Лера любила смотреть вниз на проспект, по которому мчались машины, на старинные Петровские бани, куда они по субботам ходили с тетей Варей, на проплывавшие по Неве теплоходы, на противоположный берег, где она пыталась угадать завод имени Лепсе. На этом заводе работали не только тетя Варя и дядя Коля, но и почти все жители дома.

Поступление племянницы в университет для Варвары Петровны стало событием, захватившим её целиком. Образы барышень-сестер, когда-то с отличием окончивших Институт благородных девиц, вновь завладели постаревшей Варенькой. К тому же миниатюрная большеглазая Лера была очень похожа на одну из барышень. Варвара Петровна настояла, чтобы Лера готовилась к вступительным экзаменам не в общежитии, а у неё. И вообще взяла над ней почти родительскую опеку. Соседям по квартире, к удовольствию Варвары Петровны, Лера нравилась. Когда она готовилась к экзаменам, соседи ходили по общему коридору и разговаривали по общему телефону тише, чем обычно.

Даже соседка Варвары Петровны Лариса, живущая в комнате напротив, старалась реже устраивать свои застолья с приятелями.

К Ларисе, работавшей продавцом в фирменной кондитерской «Север», Варвара Петровна относилась неодобрительно за ее частые возвращения подшофе.

Однажды непривычно трезвая Лариса заговорщицки вручила «Петровне» коробочку с пирожными: «Для Лерки! Уж больно она у вас тошенькая!»

За чаем тетушка, попробовав свое любимое «буше» от Ларисы, вполне его одобрила: «То что надо, с коньяком».

— А бывает и без коньяка? — спросила Лера

— Бывает, когда Лариса дверной звонок не находит, — прозрачно пошутила тетя Варя.

Когда расфуфыренная хмельная Лариса появлялась на пороге квартиры, двери всех комнат как по команде приоткрывались. Разудалая после трудового дня, в облегающей короткой кожаной юбке, в новых высоких сапожках на крепких ногах, Лариса выдавала такие номера, что благовоспитанные соседи только укоризненно качали головами и перешептывались: «Опять наклюкалась от пирожных!» Однако посматривали на полную жизни и наслаждений Ларису без злости, с интересом и даже некоторым уважением за верность своему жанру.

Варвара Петровна поневоле встречала соседку первой. Их комнаты были напротив,

дверь в дверь. Иногда Лариса приходила на таких «рогах», что не могла попасть ключом в замочную скважину двери своей комнаты. И тогда на помощь ей спешила Варвара Петровна. Она открывала соседке дверь и, случалось, укладывала в постель.

Утром Лариса, уже при полном марафете, осторожно стучалась в дверь Варвары Петровны, чтобы поблагодарить «за вчерашнее». Смущенно трясая своей седой головкой, тетя Варя укладывала в ящичек старинного буфета большую плитку шоколада. Каждый раз, когда Лариса совала штрафной презент, Варвара Петровна, слабо противясь, повторяла: «Вот это ни к чему, это лишнее». Лариса решительно не принимала возражений.

Лера знала, что тетя уважает Ларису за три ее главных достоинства: во-первых, не скупая; во-вторых, чистюля; в-третьих, совесть имеет. Общий коридор в их коммуналке Лариса, при всех обстоятельствах, убирала без пропусков очереди и так же тщательно, как собственную комнату.

И еще было нечто, заставлявшее Варвару Петровну проявлять снисходительность к вольному образу жизни соседки. Она не могла не оценить сногшибательную женственность Ларисы и её редкое умение «чистить перышки» после бурных вечеринок. Всегда так одета и причесана, с удивлением замечала тетушка, «словно и не напивалась в стельку». Но при этом добавляла, махнув рукой: «Сопьется, шалава, до белой горячки, как мой Строгалев. Торгашка, одним словом». Последний тезис тетушка произносила презрительно. По причинам, всем известным.

В семидесятые «застойные» годы блат в торговле цвел пышным цветом. На полках в промтоварных магазинах не на что было глаз положить. Даже в столицах. А на продавцах — фирменные дубленки, импортные сапожки. «По блату» знакомым и знакомым знакомых за услуги доставались чешские стенки, немецкие люстры, импортная обувь и прочее. Торговые работники, избалованные блатниками всех рангов, вели себя высокомерно и капризно, почти как хозяева жизни. Не все, конечно, но многие. И благосостояние шустрой и общительной Ларисы, работавшей в престижной кондитерской «Север», строилось в основном на отношениях такого рода.

Варвара Петровна с племянницей сбились с ног в поисках пары приличных сапожек для Леры. Студентка-отличница ходила в суконных ботиках на молнии, прозванных в народе «прощай, молодость». Лера стеснялась своей куцей обувки, смотревшейся нелепо на фоне нового пальто, сшитого у лучшего питерского портного, давнего знакомого тетушки еще по блокадным тяготам.

Варвара Петровна даже убирала суконную пару из коридора в комнату, дабы не напороться на ехидное замечание Ларисы. И все-таки однажды Лариса усталилась своими насмешливыми серыми выпуклыми глазами на Лерины ноги. «Что это за лапти на тебе?» Лера что-то пролепетала в ответ. Через день понятливая «торгашка» заявила к ним в комнату с большой обувной коробкой в руках: «Примерь!»

Сапожки были ослепительны: с высокими голенищами из светло-коричневой кожи; на высоких каблучках сияли маленькие металлические шпоры ... Правда, оказались великоваты. Но взволнованная тетушка уже достала давно приготовленную сумму: «Берем!»

— Обновку отметить бы надо, — предложила довольная Лариса. И потащила Леру в свою комнату.

Распахнув дверцу бара чешской стенки, Лариса весело кивнула на батарею красивых бутылок и штофов: «Чего изволите, сударыня: виски, коньяк, аперитив?» Лера опешила от такого шика. Но ей ужасно не хотелось выглядеть скованной.

— Пожалуй, чуточку аперитива, — выбрала она напиток, о котором читала во французских романах.

Лариса щедро плеснула Лере и себе. Выпив и затянувшись болгарской сигаретой, соседка завела откровенный монолог о том, как на нее, неотразимую Ларису, заглядываются мужья приятельниц. От «литературного напитка» у Леры закружилась голова, и она утешалась тем, что до тетушкиной двери всего два шага. Но и эти «два шага» в итоге помогла все-таки сделать тетя Варя, уже поджидавшая у двери попавшую в плен к Ларисе племянницу.

С наслаждением вытянувшись на старенькой кушетке, Лера сквозь туман в глазах с нежностью смотрела на тетушку, засевшую за пасьянс. Тетя Варя делала вид, что сердится,

и, раскладывая карты, ворчала в адрес, конечно же, Ларисы: «Вот стервоза, напоила ребенка...» И дальше по этому же адресу тетя отправляла такие словечки, каких Лера никогда от нее раньше не слышала. К алкоголю, сгубившему ее Строгалева, у Варвары Петровны был свой счет.

* * *

Перед летней практикой Лера с друзьями-однокурсниками в очередной выходной обедали у Варвары Петровны. Так многолюдно и так весело в комнатке с балконом во двор-колодец еще не бывало. Тетушка радостно хлопотала. Источали дразнящие ароматы её фирменные борщ и голубцы... Студенты выставили шампанское, торт из «Севера» и фрукты. Обед по случаю окончания первого курса получился на славу. На другой день Варвара Петровна провожала Леру в Севастополь.

Через два месяца Лера вернулась в Ленинград. Ровный черноморский загар так ее украсил, что тетушка ахнула. Придирчиво осмотрев племянницу, она не нашла, к чему придаться: серые глазки улыбались и хлопали белесыми ресницами. Варвара Петровна отметила и то, что обычно немного скованная в движениях теперь Лера держалась свободно и уверенно, с каким-то пробудившимся женским достоинством. Что произошло там, в Крыму, чтобы так преобразиться?

Лера заметила грустную тень на родном лице тетушки. Доставая из дорожной сумки сочные крымские груши, она ласково прошептала: «Все нормально. Я уже большая девочка...»

— И «большие девочки» делают большие глупости, — тетя Варя за словом в карман не лезла.

* * *

За время, проведенное вместе, у них сложился свой «английский» юмор, понятный только им. Лера развлекала тетушку студенческими историями, а Варвара Петровна, служившая с выхода на пенсию смотрителем в Эрмитаже, рассказывала забавные случаи про туристов. У смотрителей Эрмитажа, в основном милых ин-

теллигентных старушек, то и дело возникали конфликты с принявшими на грудь посетителями, засыпавшими на мягкой музейной мебели. Однажды зрители не могли привести в чувство грузного пожилого шведа, которого сон сразил в Тронном зале Зимнего дворца. Пришлось вызывать «скорую».

Тетушка чаще всего дежурила в Греческом зале, где всегда было тихо и безлюдно. Удавалось даже отлучиться на пару минут. В такие дни зимними вечерами Лера почти в одиночестве бродила по дворцовым покоям и эрмитажным залам, наслаждаясь их немым великолепием. С тетей они встречались у выхода и отправлялись на свой Староневский чаевничать и отдыхать.

На прикроватной тумбочке тети Вари бесценно лежал зачитанный томик «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси. Главная героиня саги Ирэн навсегда завладела сердцем Варвары Петровны как образец женского совершенства.

Другим сильным увлечением тетушки было вошедшее в моду с появлением телевидения фигурное катание. Ради него она откладывала крохи с маленькой пенсии, чтобы купить подержанный телевизор с линзой.

Иногда тетя Варя вдруг начинала ворчать, что коренных питерцев и блокадников можно теперь встретить только в общественной бане и телефоне-автомате. Все блага — варягам. Однако никогда не опускала планку до нудного брюзжания. Чувство юмора не изменяло тетушке, даже когда мучил застарелый недуг.

«Блокадный» залеченный туберкулез напоминал о себе. Случались приступы кашля, свидетелем которых Лера была не однажды. Откашлявшись, всякий раз начинала шутить: «Как думаешь, я не разбудила соседей? А теперь, пожалуй, перекусим и сделаем «книксен». Что означало — прогуляться по Невскому.

Прибранный, украшенный, подготовленный к визиту в Ленинград американского президента Никсона обновленный Невский она метко окрестила «книксен». От словесных перлов тетушки Лера приходила в восторг. Это обаятельное хулиганство, похоже, она тоже унаследовала от своих давних благородных наставниц.

Однажды Лера попробовала поиграть со словом «хлеб», назвала свежую буханку «зла-

ком». Но наткнулась на строгое молчание тети. К хлебу и продуктам бывшая блокадница относилась подчеркнуто уважительно. Съестное у нее всегда было завернуто в пакетики, холщовые полотенца и аккуратно уложено в специальную сумку, которая служила своего рода холодильником, потому что вывешивалась за форточку. Тогда такие «висячие холодильники» были в каждом старом питерском доме. Настоящие и стоили дорого, и были в дефиците.

С тетушкиной маленькой пенсией на холодильник и в перспективе не приходилось рассчитывать, как и многим ее ровесницам. Не имеющие холодильников покупали всего помалу: 200 граммов масла, 150 «докторской» колбасы, 100 — сыру, полкило творогу, бутылку кефира... Все это не успевало испортиться.

Хлебные крошки она осторожно сметала со скатерти своей сухой тонкой ладошкой в пакетик — накапливала, чтобы покормить птиц.

При такой образцовой экономии у тети Вари всегда имелся небольшой запас дорогих шоколадных конфет и карамели. Никогда не пустовал и хрустальный графинчик, периодически наполняемый марочным кагором или портвейном. Графинчик извлекался из глубин старинного буфета по особым случаям. Содержимого хватало надолго. Наливался густой кагор в изящные рюмочки, подаренные когда-то Вареньке на день рождения сестрами-аристократками.

Половина стоявшего посреди комнаты овального дубового стола накрывалась белой накрахмаленной скатертью к завтраку, обеду и ужину. Это правило неизменно соблюдалось, если в доме был гость, даже и такой частый, как Лера.

* * *

...Возвращение племянницы с летней практики также было отмечено торжественным обедом с графинчиком. Пока тетушка быстро шаркала в шлепанцах по коридору из комнаты в кухню то за борщом, то за голубцами, Лера, как ей было поручено, осторожно доставала из буфета знакомые глубокие и мелкие фарфоровые тарелки. Тетя Варя берегла эту дорогую

посуду, купленную «в лучшие времена». На стол водружалась старинная супница с серебряной поварешкой. Тетя Варя ловко разливала по тарелкам ароматный борщ, украшая его щедрым островком густой сметаны... Перед голубцами снова наполнялись стопочки, и уже порозовевшая тетушка шутила с горделивым озорством: «Ну, сейчас напьемся! Мы, питерцы, — народ порочный!» И это заявление делалось по поводу всего лишь второй крошечной рюмки кагора. Лера хохотала от души, в такие минуты она особенно нежно любила свою тетушку.

— Ну, как там Крым? В пятьдесят седьмом я отдыхала в санатории под Ялтой. Завод выделил путевку.

— Понравилось?

— Да как тебе сказать: тепло, море, процедуры... Этого, конечно, не отнимешь... Но все дни похожи.

Тетя Варя владела интонацией не хуже театральной примадонны. Часто сами слова значили меньше, чем то, как она их произносила. «Все дни похожи» — следовало понимать только в одном смысле: она скучала по Ленинграду. Она вообще больше никаких городов, кроме Питера, не признавала.

Тетушкино «Привет, мерзавчик!» Лера обожала с любой интонацией, потому что оно всегда означало, что тетя по ней соскучилась. Вообще прозвища и даже иногда бранные слова из уст тетушки звучали как-то негрубо, необходимо.

Варвара Петровна прозвала племянницу «сухой пьяницей» за то, что появившиеся деньги «жгли карман» Леры, тратились на лакомства. Стипендии плюс родительских взносов Лере никогда не хватало до конца месяца. В то время как Варвара Петровна могла не только прожить на свою крошечную пенсию, но еще и одолжить Лере до стипендии. Лера безуспешно пыталась избавиться от титула «сухой пьяницы». Она отшучивалась, что «сухой» все же лучше, чем «мокрый», то есть настоящий. На что тетушка с убийственной иронией отвечала: «Ненамного, душа моя, ненамного».

Как-то Лера потянулась к тетушкиным духам, неизменной «Красной Москве», всегда стоявшим на комодке среди милых фарфоро-

вых безделушек на белоснежной, накрахмаленной дорожке, украшенной затейливыми мерезками и ришелье. Варвара Петровна не преминула заметить: «Мне не жалко. Но ты запомни, дружок: у настоящей женщины всегда должны быть три вещи: духи, пара перчаток и шляпка». Лера поняла, что это опять цитата из наследия дореволюционных тетиных наставниц. Однако закрепилось в памяти.

Она любила их прогулки по Невскому. Город Варвара Петровна знала как свои пять пальцев. А уж на Невском — каждый уголок. Помнила его довоенным, блокадным, послевоенным. Даже теперь, через десятки лет после войны, она старалась ходить по «менее опасным при обстрелах участкам» проспекта. Ужас, когда на глазах гибли от снарядов и бомбежек идущие впереди тебя или по другой стороне проспекта люди, вошел в плоть и кровь.

Иногда во время таких прогулок они заходили к ее племяннику и племяннице (взрослым уже), жившим в доме неподалеку от Казанского собора. Там тоже была коммунальная квартира, но небольшая, с тесным и узким коридором. И соседей было немного. Но раздоры между ними происходили часто и бурно, что всегда горячо обсуждалось с племянниками за чаем. Тетушка слушала охотно, сочувственно кивая своими сединами. Наслушавшись о баталиях со стервозными соседями, уходила от великовозрастных племянников, как ни странно, в бодром, даже боевом настроении, словно сама побывала в схватке с вредоносной супружеской парой, налившей подсолнечного масла в ботинок ее беспомощного в житейских передрыгах родственника. На пути домой она с каким-то даже удивленным восхищением припоминала Лере козни, до которых додумались изобретательные по этой части недружественные соседи ее Геры и Лизы. И становилось ясно, как не хватает событий в тетушкиной созерцательной на старости лет жизни.

* * *

Как-то, возвращаясь с концерта в филармонии, они по традиции зашли в «Елисеевский» гастроном, чтобы купить к ужину чего-нибудь

вкусного. Когда подошли к кассе, тетя Варя вдруг застыла на месте. Ее кумир, великолепный, обожаемый киноартист Юрий Яковлев стоял, как все, в небольшой очереди в кассу и, улыбаясь, говорил что-то своей спутнице — приятного вида блондинке. Опомившись, Варвара Петровна, будто нетерпеливая школьница, схватила Леру за руку и потянула к кассе, где возвышался над очередью ОН. Встали за НИМ. Тетушка быстренько начала искать что-то в своей сумочке, из нее выпал кошелек, звякнув о мраморный пол металлической застежкой. Конечно же, ОН поспешил его поднять и с улыбкой протянул тете Варе: «Пожалуйста». Варвара Петровна засмузилась: «Благодарю... Какая я неловкая». Яковлев, сияя обольстительной улыбкой Стивы Облонского, тихо заметил: «Ну что вы, пустяки...» И галантным жестом предложил стать в очереди перед собой. Оглушенная ЕГО вниманием, тетушка поблагодарила, но отказалась. Ведь, встав впереди, она бы не смогла ИМ любоваться.

Она запомнила все до мельчайших деталей: как были одеты любимый артист и его спутница, как держались и даже на какую сумму и каких продуктов получили чек в кассе...

Воспоминаний об этой встрече ей хватило на всю оставшуюся жизнь. А в тот вечер, когда они с Лерой сели ужинать, у тетушки от возбуждения подрагивали руки, пока она разливала чай и сооружала свой щедрый бутерброд со сливочным маслом и «докторской» колбасой. Она сияла. Она победно и ласково поглядывала на Леру — единственного свидетеля ее триумфа. После чая ей предстояло пережить свое счастье снова, когда она станет по телефону рассказывать о встрече с НИМ старинной подруге Марии, знавшей толк в красивой жизни и роскошных мужчинах.

На пятом курсе на Леру обрушилась любовь. Она переселилась на небеса, откуда все виделось в дымке. У тетушки Лера появлялась теперь редко и ненадолго. Говорила, что с «головой ушла в дипломную работу»...

— Понимаю, — кивала Варвара Петровна, с укоризной глядя на Леру, — одни глаза у тебя остались.

На защиту она пригласила тетушку. Лера ку-

пила три букета (для руководителя дипломной работы, для тети Вари, которая терпела ее пять студенческих лет) и еще — три розы цвета «бордо». Так называла Варвара Петровна свой любимый темно-вишневый цвет. Розы предназначались для особо ответственной роли, которую Лера поручила однокурснику, любимцу тетушки Сергею Дорожкину. Долго объяснять Сергею, что надо делать, не понадобилось, тем более что воспоминания о вкусных голубцах и пироге с черникой, которыми Варвара Петровна частенько угощала всю их студенческую группу в комнате на Староневском, еще не выветрились.

— О'кей, — сказал Сергей, укладывая розы в свой объемистый кожаный портфель.

И доклад, который не без блеска сделала Лера, и отзыв о нем оппонентов, и подаренный племянницей букет заставили Варвару Петровну несколько раз приложить к глазам шелковый носовой платок, пропитанный ароматом «Красной Москвы». Но розы цвета «бордо», которые галантно преподнес ей Сергей Дорожкин, сделали свое дело.

...Наклонившись к уху засмущавшейся Варвары Петровны, Сергей тихо и проникновенно произнес бархатным баритоном: «Никогда в жизни не забуду ваш пирог с черникой». Щеки тетушки окрасились нежно-розовым румянцем, она мгновенно помолодела лет на десять. И почему-то именно в эти минуты Лера увидела, что похожа на тетю Варю.

А в квартире номер 18 дома номер 95 по Староневскому проспекту их уже ждали. Общий стол накрыли у Ларисы. Возле него хлопотала не только хозяйка комнаты, но и соседка-хирург Зоя Андреевна. И другие соседи оживленно суетились тут же. Повод был достойный: племянница Варвары Петровны защитилась на «отлично».

Почти все тосты посвящались не виновнице торжества Лере, а Варваре Петровне. Она не возражала. В тот вечер тетя Варя была просто в ударе. Она часто поправляла подаренные ей розы в высокой вазе из чешского стекла, возвышавшиеся в центре стола. А даритель, отсутствующий Сергей Дорожкин, был представлен тетушкой в самом романтическом свете. Расторопная от подогретых коньяком чувств Лари-

са роняла слезы в тарелочку с «оливье» и часто выбегала покурить...

Через неделю Лера с новеньким дипломом на дне чемодана и с будущим мужем уезжала на его родину в Красноярск. «Декабристочка ты наша», — грустно шутила тетушка.

А через два года Лера с маленькой дочкой вернулась в Ленинград. Устроилась в редакцию одной из газет. Вскоре получила комнату в «сталинском» доме на Московском проспекте. Коммунальная квартира, в которой теперь жила Лера с дочкой, оказалась очень похожей на ту, в которой жила Варвара Петровна. Но комната у Леры была просторная, солнечная, с балконом на широкий проспект. Тетушка уже не тревожилась за племянницу, убедившись, что ее «девочка» уже не «мерзавчик», а большая и взрослая.

Договорились встретить Новый год у Леры на Московском. Все собрались. Ждали только тетю Варю и Ларису. Лера набрала телефонный номер. Ответила Лариса, она плакала: «Не ждите...»

...За день до Нового года Варвара Петровна дежурила, как обычно, в Греческом зале. Она чутко дремала в углу, устроившись на музейном стуле с темно-малиновой плюшевой обивкой. Так и умерла, прислонившись к высокой спинке стула.

Тетушку кремировали и похоронили с положенными блокадникам почестями: тихая музыка, короткая речь сотрудницы крематория. Лере запомнилась седая, аккуратно причесанная тетина головка в гробу, нацеленном в печь, плоская дверца которой должна была открыться сразу, как только «родных и близких» все тот же голос, ведущий траурный ритуал, вежливо попросит в последний раз попрощаться и выйти.

* * *

После сорокового дня Лера поднялась по знакомой лестнице с высокими ажурными перилами в знакомую квартиру навестить соседей. Привычно нажала на звонок два раза... Открыла Зоя Андреевна, только что вернувшаяся с дежурства в больницу. Лера вдохнула родной запах квартиры, услышала смех и бод-

рый голос Ларисы, болтавшей по телефону. На секунду ей померещилась высокая фигура тетушки, спешащей из кухни к ней навстречу. Только теперь, возле двери ее комнаты, Леру пронзила мысль, что тети Вари уже нет. И это навсегда. Стало невыносимо тоскливо.

Лера открыла дверь в тетушкину комнату. На прикроватном столике — «Сага о Форсайтах» с несколькими закладками на читанных-перечитанных страницах. Знакомая до каждой плешинки старая кушетка, как обычно, аккуратно покрыта гобеленовым покрывалом с рисунком рогатых оленей по центру. На комод — новый флакончик «Красной Москвы». В вазе из чешского стекла — еще не успевшие завянуть хризантемы. За круглым дубовым столом задвинуты два венских стула, не угодивших когда-то в блокадную печку-буржуйку. В комнате, печально притихшей без хозяйки, все на своих местах. Всё... Кроме НЕЁ. Лера уходила из тетушкиной земной обители промокая от слез...

От автора

Дом N 95 по Староневскому проспекту существует на самом деле (как реально в основном и вся рассказанная история) и довольно знаменит своей родословной. Это бывший доходный дом Г. Гесселя, построен в 1912 году по проекту архитектора Л.М. Харламова. Он хоть и отнесен к старому фонду, переживет еще многих своих жильцов. В нем уже давно нет коммуналок с их скромными питерскими обитателями, такими, как моя тетья — Вера Петровна, выжившая в ленинградскую блокаду, и ее соседи — милые отзывчивые люди. Теперь в этом здании — небольшой отель эконом-класса, другие помещения сдаются в аренду под магазин и офис. Бывший доходный дом снова стал доходным. Но не жилым.

□

Валентина Владимировна АКУЛЕНКО

родилась в г. Сортавале (Карелия).

Окончила факультет журналистики СПбГУ.

Более 30 лет публикуется в карельских и ведущих российских изданиях:

«Комсомольская правда», «Советская культура»,

«Известия», «Литературная газета» и др.

Постоянный автор федерального еженедельника «Деловой вторник»

и карельских национальных изданий.

Член Союза журналистов России.

Лауреат республиканских и всероссийских журналистских конкурсов

(золотая медаль лауреата ВВЦ;

диплом лауреата премии Союза журналистов России

«За профессиональное мастерство» и пр.).

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Живет в Петрозаводске.

